

Небо уже светлело, утренний рассвет едва касался земли, и отряд начал строиться.

Взгляд, которым Сян Лин одарила Чэнь Буи, был подобен клинкам, пропитанным сильнейшим ядом — она готова была изрезать его на тысячу кусков.

Чэнь Буи, будто почувствовав это предчувствие, равнодушно скользнул по ней взглядом.

Сян Лин тут же отвела глаза, и на сердце у неё стало ещё гаже.

Конвоиры уже раздали всем одежду. Узнав об этом, девушки поблагодарили их. Чэнь Буи отвечал каждой улыбкой — сдержанной, но достаточно теплой, чтобы, подобно зимнему солнцу, разогнать холод и мрачность.

Видя всё это, Сян Лин испытывала ещё большее презрение и зависть.

Строит из себя добродетельницу! Всего лишь смазливая мордашка, заработанная бесстыдным ублажением мужчин за деньги! Уцепилась за какого-то богатого молодого господина, чего тут гордиться?! Попадись такая возможность ей самой, она бы справилась не хуже!

Стоило ей лишь немного проявить себя, как её положение среди девушек-преступниц тут же пошло в гору. Пусть красотой она и не превосходила ту девчонку, неужели она проиграет какой-то немой?

Но, увы, всё шло наперекор желаниям. Мечталось об одном, а на деле выходило с точностью до наоборот.

Поведение Сян Лин вызывало у девушек презрение. Её тело и так было нечисто, а теперь она и вовсе пустилась во все тяжкие, махнув на себя рукой.

Хватает бесстыдства увиваться за мужчинами — дело твоё, другие в худшем случае пошептались бы за спиной, но с чего ты каждый день так выпендриваешься?!

В итоге все стали держаться от неё подальше, а то и открыто враждовать.

Сян Лин сжигаемой жгучей ненавистью взглянула вдаль на окруженную всеобщим вниманием Чэнь Фэй, вокруг которой все суетились, словно звезды вокруг луны. В сердце бушующей волной поднялись горькая обида и злость.

Обе они потеряли невинность, почему же судьба так несправедлива? Чэнь Фэй купается в лести и угодничестве, пользуется уважением конвоиров, а она вынуждена прозябать в холодном углу, терпя пренебрежение, презрение, косые взгляды и брезгливость.

При этой мысли Сян Лин до боли сжала зубы: раз уж эти люди так смотрят на неё свысока, ей больше незачем унижаться и лебезить перед ними.

Переведя взгляд, она заметила еще нескольких человек, к которым, как и к ней, окружающие относились с презрением и насмешкой. В её голове тут же зародилась мысль — возможно, стоит попытаться сблизиться с ними и заключить союз.

Сказано — сделано. Сян Лин принялась поодиночке подходить к изолированным от общества девушкам. Однако после нескольких пробных попыток она обнаружила, что большинство из них невероятно трусливы: даже если ей удавалось успешно посеять раздор и зародить в их сердцах ненависть к Чэнь Фэй, всё, на что они хватало духу — это улучшить момент, когда никого нет рядом, и тайком поносить её вместе с ней. Однако, когда Сянлин соприкоснулась с Сяоюй, ситуация оказалась совсем иной. Сначала эта женщина производила впечатление высокомерной и заносчивой, словно возомнила себя намного выше всех остальных.

Но после случившегося в глубине её души поселились глубокая неполноценность и стыд. Когда подобные эмоции накапливаются до определенного предела, они с легкостью могут толкнуть человека на безумие или даже лишить рассудка.

Сянлин холодно усмехнулась: именно такие люди и сходят с ума, а обезумев, способны на всё! Если чуточку этим воспользоваться, она вполне может стать клинком, который погубит Чэнь Фэй!

— Тебя ведь зовут Сяоюй, верно? — Сянлин расплылась в улыбке. Держа в руке стакан чистой воды, она услужливо протянула его Сяоюй, которая сидела с опущенной головой и увлеченно грызла кукурузную лепешку, а затем между делом небрежно бросила:

Сяоюй даже не подняла головы. Она молча взяла стакан, поставила его рядом, а затем продолжила с жадностью кусать твердую лепешку в своей руке, словно ей было абсолютно всё равно на происходящее вокруг.

— Говорят, твой отец был ученым мужем? Ах, как же тебе повезло! — в глазах Сянлин мелькнула едва уловимая зависть, но на лице по-прежнему играла непринужденная улыбка, и она продолжала болтать без умолку.

Услышав это, Сяоюй всем телом резко замерла, а её механические жесты во время пережевывания пищи прервались.

Она подняла голову. В её пустых и растерянных глазах читалось такое выражение, будто кто-то безжалостно содрал корочку с самой болезненной душевной раны и щедро засыпал её солью.

Разве ей действительно повезло? Если бы повезло, почему её отправили сюда в качестве живой дани? Если бы повезло, как она могла пережить столь позорящие её события?

Сянлин неотрывно следила за реакцией Сяоюй. Заметив изменения в её выражении лица, она невольно злорадно обрадовалась.

Поспешив ковать железо, пока горячо, она продолжила:

— Не то что мы, темные люди, которые ни строчки не смыслят в грамоте и дни напролет живут как в тумане. Если подумать, среди всех нас здесь, пожалуй, только ты и умеешь читать и писать. Наверное, даже у того судебного писаря Вэя грамотности меньше, чем у тебя! Какая жалость... Если бы тебя не оклеветали так же, как меня, в будущем ты бы наверняка добилась куда больших успехов, чем любая из нас!

— Довольно! — Сяоюй, наконец потеряв терпение, громко оборвала её. Её голос заметно дрожал, глаза мгновенно покраснели, а на ресницах заблестели слезы. Умение читать и писать — и какое от него толк? Какой в этом прок? В конце концов, здесь остаётся только ждать, пока эти злодеи растопчут и унижат тебя! — Не договорив, Сяо Юй больше не смогла сдерживать эмоции, слёзы хлынули потоком, словно прорвавшаяся дамба, и её плач эхом ранёлся по всей равнине.

Сян Лин со сплошной тревогой на лице замахала руками, отчаянно пытаясь всё объяснить:

— Я правда не это имела в виду! Как я могла смотреть на вас свысока? Я такая же жертва, как и вы! Мы всего лишь две слабые женщины, что мы можем поделать перед лицом такой беды? Если уж кого и винить, так только тех, кто прошёл мимо и не пожелал помочь!

Сяо Юй легким движением руки смахнула слёзы с глаз и, всхлипывая, произнесла:

— Что у тебя на уме, я и без слов понимаю. Разве ты не считаешь, что именно Чэнь Фэй обрекла меня на такие страдания? Да, я ненавижу её, но ещё больше я ненавижу себя! Почему мне довелось родиться в эту смутную и мятежную эпоху? Почему женщина должна претерпевать столько бед и несправедливости?

Услышав это, Сян Лин распалилась ещё сильнее, её глаза округлились, а голос зазвучал громче:

— Как можно винить себя? Во всём виновата та самая Чэнь Фэй! Она же сущая напасть, злюка чистой воды! С какой стати они смотрят на нас свысока? Все мы пострадали из-за них! А в итоге всё перевернулось с ног на голову! Благотельницу теперь презирают, а творящая зло злодейка купается в лести и угодничестве! Разве это справедливо?!

По мере того как речь Сян Лин становилась всё более страстной, её голос звучал всё звонче, раскатываясь в ушах окружающих подобно тяжёлому колоколу.

Выслушав её, все присутствующие погрузились в молчание. Ведь то, что произошло в тот день, каждый видел своими глазами: те свирепые разбойники изначально положили глаз на Чэнь Фэй, но у неё нашлись деньги, чтобы откупиться от них, и бандиты лишь в последний момент изменили решение, переключившись на других.

Услышав это, Вэй Син вмиг разъярился и рявкнул:

— Еда во рту не может придержать ваши языки?! Не хотите есть — убирайтесь отсюда! Хватит целыми днями искать неприятности на пустом месте!

Заметив, что Вэй Син рассердился, Сян Лин не посмела продолжать и послушно замолчала. Однако снаружи она умолкла, а в сердце её затаилась ещё более лютая зависть и злоба. Зависть к красоте Чэнь Фэй, зависть к тому, что та встретила человека, способного её защитить.

У самой Сян Лин тоже была неплохая внешность, и она считала, что пусть лицом она и уступает Чэнь Фэй, но уж всяко превосходит какую-то немую. И тем не менее перед лицом немой она чувствовала себя совершенно никчёмной.

Хотя злословие удалось временно унять, Чэнь Буи всё же чувствовала, что окружающие больше не тянутся к ней так, как прежде. Похоже, слова Сян Лин засели в сердцах людей глубокой занозой.

Впрочем, Чэнь Буи не обращал на это внимания, по-прежнему беря с собой повсюду лишь Тао Хуа. Что думают и как поступают остальные, её не волновало — могла помочь, помогала, не более того.

Тао Хуа слышала эти разговоры, и пусть понимала их не до конца, но перемены в отношении людей чувствовала отчётливо.

— Сестрица Фэй-эр, как они могут быть такими! Ты ведь к ним со всей душой, как они могут говорить про тебя гадости! — Тао Хуа сердито надула пухлые щёчки.

Чэнь Буи ответила ей лёгкой улыбкой и с нежной лаской погладила девочку по голове.

Тао Хуа, недовольно бормоча и выпятив губы, продолжала жаловаться:

— Сестрица Фэй-эр ведь покупала им одежду и обувь, носила лекарства и еду, а они — просто стая неблагодарных волков!

Чэнь Буи с улыбкой покачала головой, молча выслушивая детское бурчание.

— Сестрица Фэй-эр, больше не обращай на них внимания. Особенно на сестрицу Сян Лин, она хуже всех! Это она везде распускает про тебя слухи! И ещё болтает, будто сестрица Сяо Юй из себя строит недотрогу: подучилась грамоте и возомнила невесть что, а на деле всё равно осталась... всё равно осталась такой же.

Тао Хуа была ещё мала годами, и многое ей было трудно высказать вслух.

Для Чэнь Буи все эти слова были не более чем лёгким ветерком, пролетевшим мимо ушей, но для Сяо Юй они прозвучали как удар грома среди ясного неба.

Сяо Юй и без того была высокого мнения о себе, а случившееся с ней надругательство и так казалось ей невыносимым. Теперь же, когда её начали трепать на все лады, её охватили жгучий стыд и ярость.

Нынче Сяо Юй держалась особняком, одинокая и замкнутая, не желая ни с кем общаться. Целыми днями она молчала, двигаясь с деревянной отрешенностью, словно живой мертвец.

К сожалению, это не только не могло изменить мнение окружающих, но лишь заставляло людей изощряться в злословии еще сильнее.

Лишь Тао Хуа по поручению Чэнь Буи время от времени заносила ей кое-какую снедь.

Глядя на Сяо Юй, Чэнь Буи могла лишь бессильно вздыхать, испытывая к ней глубокую жалость. Она понимала, что Сяо Юй заперта в темнице собственного стыда и боли и никак не может вырваться наружу, и если так пойдёт и дальше, с ней действительно может случиться беда.

<http://bllate.org/book/21263/2153545>